

Наливайко Инна Михайловна,
кандидат философских наук, доцент, доцент
кафедры философии культуры, факультет
философии и социальных наук, Белорусский
государственный университет, г. Минск,
Беларусь.

*«Новая топология»:
перспективы
кросскультурного диалога в
условиях глобализации.*

«НОВАЯ ТОПОЛОГИЯ»: ПЕРСПЕКТИВЫ КРОССКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Наливайко И. М.
Белорусский государственный университет

Один из основоположников философии диалога М.М. Бахтин утверждал, что диалог между различными культурами отличается определенной «магией», порождаемой ситуацией «взгляда в окно». Другую культуру нельзя продублировать, она уже состоялась на своем месте в бытии. В нее нельзя просто вжиться, так как мы сращены с опытом и традициями собственной культуры. Но встреча с другой культурой открывает нам новые горизонты и новые возможности в нас самих. Мы остаемся в рамках своей культуры, но нам открывается сопредельное нам иное. Все вышесказанное подчеркивает определенную пространственную размерность диалога, что подтверждается и самой этимологией слова. Помимо отсылки к логосу, говорению как таковому, греческое слово содержит в себе приставку «диа», которая переводится как «между», что отсылает нас к определенной топологии диалога.

Несмотря на то, что диалог с необходимостью разворачивается во времени, то есть в нем присутствует встреча и взаимовлияние различных темпорально выстроенных субъектов, своего рода столкновение воле, он совершенно невозможен и без соотнесенности с пространством, местом как некой укорененностью в бытии.

Это теоретическое положение находит определенное подтверждение в истории человеческой культуры. Как мы помним, первые попытки философской проблематизации межкультурного диалога относятся к эпохе романтизма, т. е. ко времени, когда процесс формирования национальных культур, подкрепленный становлением государственности, обрел вполне зримые очертания. Локализация культуры, ее место в пространстве, ее границы являются одной из важнейших составляющих процесса

культурной самоидентификации, без которой диалог вообще не представляется возможным.

Но обращение к этой топологической составляющей диалога заставляет задуматься об интерпретации самой категории места как некой универсалии культуры. Вплоть до XX века в западной культуре доминировало понимание места, которое своими корнями уходит в греческую классику, где самые значимые откровения о физическом устройстве мироздания, космоса были тесно сращены с греческой метафизикой, в свою очередь predeterminedной тем особым видом вживания человека в мир сущего, который выстраивает гражданин греческого полиса. Для уразумения специфики процесса субъективации, который разворачивается в мире античности, нужно вспомнить, что в греческой демократии впервые реализуется *имманентный* характер власти, что означает, что власть не приходит извне, не является внешним оформлением и упорядочением социального пространства. В рамках такой системы властных отношений для того, чтобы осуществлять власть, властвовать над другими, человек принужден выносить власть на себе, то есть опыт управления требует самоуправления, отношения с другими порождают отношение к себе. Греческая самость рождается как результат «складывания» власти, она есть удвоение и оборачивание властных отношений. Она создается как «складка внешнего» (власти), но контуры этой складки задают её *границу*, и тем самым определяют её внутреннюю сущность. Т.е. западный тип субъективности изначально формировался как результат воления, осуществления *власти* и как *форма, граница*. Он возникает в публичном пространстве агоры как политического и смыслового центра полиса и определяет все смысловые приоритеты культуры. Самость, заданная формой и границей, сопредельна другим формам и с необходимостью включена в некий социальный порядок, подчиненный дистанции и мере, где всякая самость и любая предметность имеют свое место в общей структуре космоса.

Именно поэтому категория места становится одним из фокусов философской мысли уже на ранних стадиях ее развития. Но особенно подробную проработку этой категории мы находим в трудах Аристотеля. Место, по Аристотелю, будучи условием существования тел, само телом не является, посему естественно возникает вопрос о его природе и о возможности его бытия. Суммируя опыт предшествующей философии, Аристотель приходит к определению места как первой *неподвижной границы* объемлющего *тела*. Иными словами, место подобно сосуду: оно

вмещает и предполагает перемещение, но само статично, само есть граница и предел.

Таким образом, можно сделать вывод, что вплоть до новейшего времени понимание места предполагало его сращенность с границами, т.е. его определенность, его четкую локализацию в пространстве и его включенность в более широкую пространственную перспективу посредством упорядочивающей дистанции, дифференциации с другими топосами. Это в полной мере относится и к опыту самопонимания и самоопределения культуры. Культурная идентичность с необходимостью предполагала некую сращенность с собственным, зафиксированным в пространстве топосом, что являлось необходимой предпосылкой кросскультурного диалога.

Современные глобализационные процессы приводят не только к унификации различных культурных продуктов и форм, не только к серьезной трансформации культурных кодов, но и к размыванию пространственных культурных границ, к феномену детерриториализации, к утрате определенного, зафиксированного в пространстве культурного топоса. Меняется сама «онтология» места, т.к. огромные потоки мигрантов утрачивают возможность идентифицировать себя посредством соотнесенности с местом своего проживания, но тем острее нуждаются в неких точках опоры для сохранения собственной культурной идентичности.

Как эти процессы сказываются на ситуации кросскультурного диалога? Возможно ли плодотворное взаимодействие между культурами, их вхождение в пространство взаимопонимания в той ситуации, когда привычное «место в бытии» практически утрачено? Новая социокультурная ситуация предлагает нам новую топологию, когда различные культуры не рядоположены и дистанцированы в пространстве, а как бы «инкрустированы» друг в друга, когда топос утрачивает привычную нам очерченность и определенность границ и становится чем-то подвижным и аморфным. Вероятно, и само межкультурное взаимодействие становится иным. Диалог между культурами переходит на некий микроуровень, который трудно заметить, находясь в привычной нам позиции дистанцированного наблюдателя. Этот микроуровень неподвластен панорамному видению. Он растворен во множественных повседневных практиках, в «здесь-и-сейчас» людского сообщества. Эта новая ситуация диалога, по очень тонкому наблюдению французского мыслителя Мишеля де Серто, напоминает опыт обживания собственного

дома и родного города, где мы сосуществуем с множеством разнородных людей и вещей, вступая с ними в сложные, многоуровневые отношения, где дорефлексивный, телесно-эмоциональный опыт субъекта оказывается не менее важной составляющей, чем рационально выстроенные стратегии нашего поведения. Это уровень «тактик», а не «стратегий», тактик, отличающихся большей адаптивностью к постоянно меняющейся социокультурной ситуации и большей продуктивностью в понимании другого. Это набросок перспективы нового диалога, позволяющий не опустится до создания и репродуцирования своего рода «культурных гетто» и избежать множества повседневных межкультурных конфликтов. Более того, эта «новая топология» диалога способна открыть новые горизонты понимания и приращения смысла.